

УДК 332.12
<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-7-850-860>

Структура доходов домашних хозяйств как фактор финансового развития муниципальных образований

Алексей Федорович Пасынков

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия,
monografia@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5186-4130>

Аннотация

Цель. Определение российской специфики и взаимосвязей в структуре источников доходов российских домашних хозяйств и уровня жизни населения на примере муниципальных образований ряда регионов Российской Федерации (РФ).

Задачи. Рассмотреть отечественный и зарубежный опыт выделения взаимосвязей социально-экономического развития территорий и структуры доходов домашних хозяйств; разработать методологию оценки и формирования статистической базы оценки структуры доходов домашних хозяйств; провести расчеты взаимосвязей структуры доходов населения (трудовые, предпринимательские доходы, социальные платежи) и уровня жизни населения муниципальных образований Уральского федерального округа (УрФО).

Методология. В качестве источника информации использованы общедоступные базы данных о муниципальных образованиях Росстата, в которых представлены доходы домашних хозяйств и социальные выплаты населению. На этой основе проведены корректировки и необходимые расчеты относительно источников доходов домашних хозяйств и формирования базы данных среднедушевого дохода в муниципальных образованиях регионов УрФО.

Результаты. Рассчитана доля социальных платежей в общем доходе домашних хозяйств муниципальных образований регионов УрФО. На городских территориях доля социальных выплат близка к среднероссийскому значению, у сельских территорий — разная доля по регионам. Определено соотношение трудовых и предпринимательских доходов, южные регионы округа показывают примерный паритет трудовых и предпринимательских доходов домашних хозяйств, в северных муниципальных образованиях три четверти доходов приходится на трудовую деятельность. В итоге выделены взаимосвязи структуры доходов сельских и городских поселений со среднедушевыми доходами на душу населения. Выявлены факторы, оказывающие влияние на данное соотношение по каждому из типов муниципальных образований регионов УрФО.

Выводы. Исследование показало, что в целом в муниципальных образованиях УрФО наиболее значимым компонентом доходов служат поступления от наемного труда и социальных выплат. В южных регионах УрФО большое влияние на исследуемые показатели оказывают крупные города, в северных — деятельность по добыче природных ресурсов. Таким образом, факторы финансового развития в контексте доходов населения очень разнообразны, зависят от множества условий. К основным можно отнести урбанизированность территории, наличие полезных ископаемых, систему расселения (крупные региональные центры).

Ключевые слова: домашние хозяйства, структура доходов, муниципальные образования, Уральский федеральный округ, предпринимательские доходы, социальные платежи

Для цитирования: Пасынков А. Ф. Структура доходов домашних хозяйств как фактор финансового развития муниципальных образований // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 7. С. 850–860. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-7-850-860>

Благодарности: публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН) на 2024–2026 гг.

© Пасынков А. Ф., 2024

Structure of household income as a factor of financial development of municipalities

Alexey F. Pasyukov

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, monografia@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5186-4130>

Abstract

Aim. To determine the Russian specifics and interrelations in the structure of sources of income of Russian households and living standards of the population on the example of municipal formations of a number of regions of the Russian Federation (RF).

Objectives. To consider the domestic and foreign experience of singling out the interrelations of socio-economic development of territories and the structure of household income; to develop a methodology for assessing and forming a statistical base for assessing the structure of household income; to calculate the interrelations of the structure of household income (labor, entrepreneurial income, social payments) and the standard of living of the population in the municipal formations of the Ural Federal District (UFD).

Methods. As a source of information we used publicly available databases on municipal entities of Rosstat, which present household incomes and social payments to the population. On this basis, adjustments and necessary calculations were made regarding the sources of household income and the formation of the database of average per capita income in municipalities of the UFD regions.

Results. The share of social payments in the total income of households in the municipalities of the UFD regions was calculated. In urban areas the share of social payments is close to the average Russian value, while in rural areas the share varies by regions. The correlation between labor and entrepreneurial incomes was determined; the southern regions of the district show an approximate parity of labor and entrepreneurial incomes of households, while in the northern municipalities three quarters of incomes fall on labor activity. As a result, the interrelationships of rural and urban settlements' income structure with average per capita incomes are highlighted. The factors influencing this correlation for each type of municipal formations in the UFD regions were identified.

Conclusions. The study has shown that in general in the UFD municipalities the most significant component of income is the income from wage labor and social payments. In the southern regions of the UFD large cities have a great influence on the studied indicators, in the northern regions — natural resource extraction activities. Thus, the factors of financial development in the context of personal income are very diverse and depend on many conditions. The main ones include urbanization of the territory, availability of minerals, settlement system (large regional centers).

Keywords: *households, income structure, municipalities, Ural Federal District, entrepreneurial income, social payments*

For citation: Pasyukov A.F. Structure of household income as a factor of financial development of municipalities. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(7):850-860. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-7-850-860>

Acknowledgments: The publication was prepared in accordance with the state assignment for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) for 2024–2026.

Введение

Структура доходов домашних хозяйств, а именно соотношение доли трудовых (то есть заработной платы наемного персонала), предпринимательских (в том числе доходов от собственности) доходов и социальных выплат является важным фактором социально-экономического раз-

вития территорий любого уровня. Такая структура доходов отражает возможности населения как по расходам на конечное потребление, так и инвестиционные расходы (например, строительство жилья), что, в свою очередь, расширяет деловую активность предприятий и малого бизнеса на территории. Однако изучение структуры доходов домашних хозяйств в российских

исследованиях, по нашему мнению, проводится недостаточно, особенно на уровне муниципальных образований.

Проблема неравномерности доходов домашних хозяйств различных стран и регионов изучается в мировой науке давно, обсуждают методологические проблемы к измерению неравенства доходов [1]. Рядом исследователей проведен масштабный обзор причин неравенства доходов для разных стран [2]. На примере регионов Индонезии изучены факторы неравенства доходов [3], выделен вклад государственных программ в стимулирование экономического роста. Для Австралии [4] рассчитаны структурные изменения в неравенстве доходов между штатами и территориями, выявлены различные факторы таких изменений. Исследования, посвященные структуре доходов домашних хозяйств, также основаны на неравенстве между различными территориями. Например, в США проведено широкомасштабное исследование [5] предпринимательских доходов и затрат на открытие бизнеса. В европейском сегменте исследований изучено [6] соотношение доходов, полученных от труда и капитала. По данным 30 европейских стран, сделан вывод о влиянии политических предпочтений правительств. В Южной Корее группой ученых [7] проведено моделирование взаимосвязей между экономическим ростом, функциональным распределением доходов (доля трудового дохода) и распределением доходов домохозяйств (коэффициент Джини) по девяти десятилетиям. Активно это направление исследований отражено в работах ученых из Китайской Народной Республики (КНР), в частности о влиянии системы пенсионного обеспечения на уровень жизни населения [8] или об улучшении качества питания при изменении структуры доходов китайского населения [9].

В российском сегменте научных исследований структура доходов как фактор экономического развития территорий также рассмотрена с разных точек зрения. Различия в структуре и уровне доходов сельских и городских жителей показаны в ряде работ [10; 11; 12]. Проблемы расчета скрытых доходов домохозяйств, анализ влияния на сглаживание бедности приведен в статье С. В. Арженовского [13]. Коллектив российских авторов [14] оценил влияние индекса экономической сложности на неравенство доходов населения регионов в России и сде-

лал вывод о том, что существует прямая зависимость этих показателей, поскольку использование высококвалифицированных специалистов увеличивает разрывы в заработной плате.

Таким образом, краткий обзор литературы показал, что изучение структуры доходов как фактора экономического развития территорий рассмотрено с различных точек зрения, от решения проблем бедности и до изучения взаимосвязи доходов и уровня жизни населения. На муниципальном уровне таких исследований очень мало, поскольку в мире существует проблема, связанная с получением данных. Этим обусловлена и цель настоящего исследования.

Методы и данные

Исследование основано на принципах построения Системы национальных счетов, которые обеспечивают сопоставимость полученных результатов на региональном и муниципальном уровнях с национальными данными [15]. Такая сопоставимость позволяет определить факторы социально-экономического развития территорий различного уровня и в будущем оценить вклад каждой территории в развитие Российской Федерации (РФ) в целом.

В целях настоящего исследования использованы доступные базы российского статистического ведомства для оценки трудовых и предпринимательских доходов, а также социальных платежей в муниципальных образованиях регионов РФ. Оценка трудовых доходов основана на базе данных муниципальных образований Росстата, в которой выделен показатель «Фонд заработной платы всех работников организаций (без субъектов малого предпринимательства)». В нем отражены начисленная заработная плата крупных и средних предприятий в аспекте видов экономической деятельности. В качестве сравнительного источника информации применены данные по таблице Росстата «Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований», в которой представлены все доходы домашних хозяйств и социальные выплаты населению.

Поскольку в этих данных учтены и предпринимательские доходы, считаем, что разница между показателями и составляет сумму, полученную населением от деятельности,

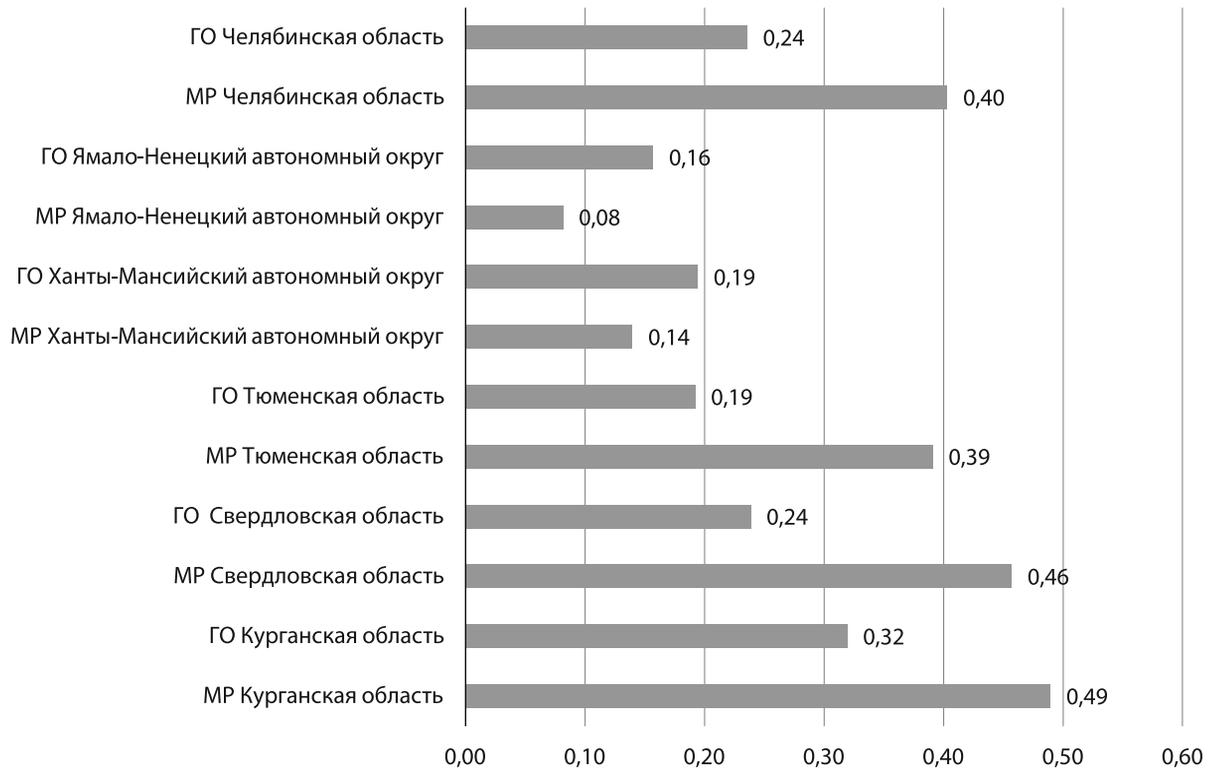

Рис. 1. Доля социальных выплат в общих доходах домашних хозяйств в муниципальных районах (МР) и городских округах (ГО) регионов УрФО в 2020 г., %

Fig. 1. Share of social payments in total household income in municipal districts (MD) and urban districts (UD) of the UFD regions in 2020, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

не связанной с наемным трудом. В российской статистической системе к ним относятся доходы от малого бизнеса (в том числе выплаченные наемным работникам), различные выплаты по срочным договорам, доходы от собственности, выплаченные дивиденды, гонорары за использование результатов интеллектуальной деятельности и др. Социальные выплаты в российской статистической системе включают в себя различные платежи населения из бюджетов всех уровней (федерального, регионального и муниципального), а также Социального фонда РФ, основной крупной статьёй доходов по данному направлению является пенсионное обеспечение граждан.

В качестве объекта выступили регионы Уральского федерального округа (УрФО), расположенные в центральной части России и имеющие разную экономическую специализацию. Для определения уровня жизни населения нами использованы расчетные данные среднедушевого дохода в муниципальном образовании, полученные при подготовке статьи. С помощью методов сравнительного анализа сопоставлены значения

среднедушевых доходов населения муниципальных образований и доля трудовых доходов в общем объеме налогооблагаемых денежных доходов.

Результаты

Разнообразие социального и экономического развития регионов и муниципальных образований, входящих в УрФО, вызывает необходимость определения взаимосвязей трудового, предпринимательского доходов и социальных платежей между близкими по параметрам территориальными образованиями. Для этих целей анализ доли различных видов доходов сделан в аспекте регионов УрФО и городских/сельских поселений. В качестве базового периода исследования выбран 2020 г., поскольку в этот период наблюдаются наиболее качественные и полные данные.

В первую очередь, основываясь на данных Росстата, мы рассчитали долю социальных платежей в общем доходе домашних хозяйств муниципальных образований регионов УрФО, что отражено на рисунке 1.

Как видно на рисунке 1, наибольшая зависимость от социальных выплат в общих доходах домашних хозяйств наблюдается в сельских поселениях Курганской области, это почти половина доходов. Несколько лучше складывается ситуация в муниципальных районах Свердловской области, в которой доходы от социальных выплат составляют 46 %, и Челябинской (40 %). В среднем по России такая доля составляла около 22 %, поэтому зависимость очень высока в данных регионах, а некоторые территории, например Шадринский МР Курганской области (почти 64 % в доходах социальных платежей), Кусинский МР Челябинской области (свыше 57 %) или Слободо-Туринский МР Свердловской области (более 52,6 %), критически зависят от безвозмездных платежей из бюджетов и социальных фондов.

Учитывая невысокие показатели пенсионного обеспечения в России (по отношению к средней заработной плате), можно с уверенностью рассматривать данное положение как отрицательный фактор социально-экономического развития таких территорий. На северных территориях УрФО, в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), в муниципальных районах, наоборот, наблюдается низкая зависимость сельских территорий от социальных платежей (0,14 и 0,08 % соответственно). Это может быть следствием как высоких доходов работающего населения на этих территориях, так и низкой плотности постоянного населения.

На городских территориях рассматриваемых регионов доля социальных выплат близка к среднероссийскому значению. Традиционно она выше в Курганской области (32 %), а в городских округах Челябинской и Свердловской областей — немного выше среднего по России (по 24 %). Городские поселения ХМАО и ЯНАО показывают самые низкие значения зависимости домашних хозяйств от социальных выплат, 19 и 16 % соответственно, что много по сравнению с сельскими поселениями указанных регионов. Однако внутри этой группы разброс значений по муниципальным образованиям регионов УрФО велик. Например, для городских округов Свердловской области минимальная зависимость от социальных выплат зафиксирована в ГО Верхняя Пышма, на уровне 13,3 %, а максимальный вклад в до-

ходы населения определен в Махневский ГО (чуть более 60 %). Примерно такая же ситуация складывается и в Челябинской области: минимальное значение наблюдается в Магнитогорске (18,4 % социальных платежей в общих доходах домашних хозяйств), максимальное — в Верхнем Уфалее, со значением 49,7 %. В других регионах УрФО разброс значений по городским округам видится менее существенным, но является тоже высоким.

Следующим фактором, оказывающим существенное влияние на экономическое развитие муниципальных образований в аспекте формирования доходов домашних хозяйств, выступает соотношение трудовых (то есть полученных от предприятий по трудовым договорам) и предпринимательских (остальное) доходов. Полученные данные по расчетам на основе предложенной выше методики относительно сельских и городских территорий представлены на рисунке 2.

Как следует из показателей, отраженных на рисунке 2, доля оплаты труда наемных работников среди регионов УрФО существенно различается. Наименьшее значение в целом по муниципальным образованиям регионов выявлено в Челябинской области (43 %). При этом доля трудовых доходов в сельских поселениях составляет 60 %, в городских — лишь 40 %. Больше половины доходов домашних хозяйств Свердловской области (около 52 %) формируется за счет предпринимательских доходов, минимальное влияние такие доходы оказывают в городе Пелыме (88 % — трудовые доходы), максимальное — в Верхней Пышме (только 36 %). Специфика экономического развития этих городов подтверждает адекватность применяемого нами подхода, поскольку в городе Пелыме большинство работников заняты на обслуживании магистральных газопроводов, в Верхней Пышме значительное влияние оказывает дивидендная политика крупной компании, зарегистрированной в городе.

В Свердловской области большое влияние на структуру получаемых доходов домашних хозяйств оказывает столица региона (город Екатеринбург), поскольку население агломерации составляет более трети жителей региона, а доля трудовых доходов низка (42 %). Близкими рассматриваемыми параметрами доходов домашних хозяйств обладают Курганская (трудовые доходы — 57 %) и Тюменская (59 %) области. В этих регионах

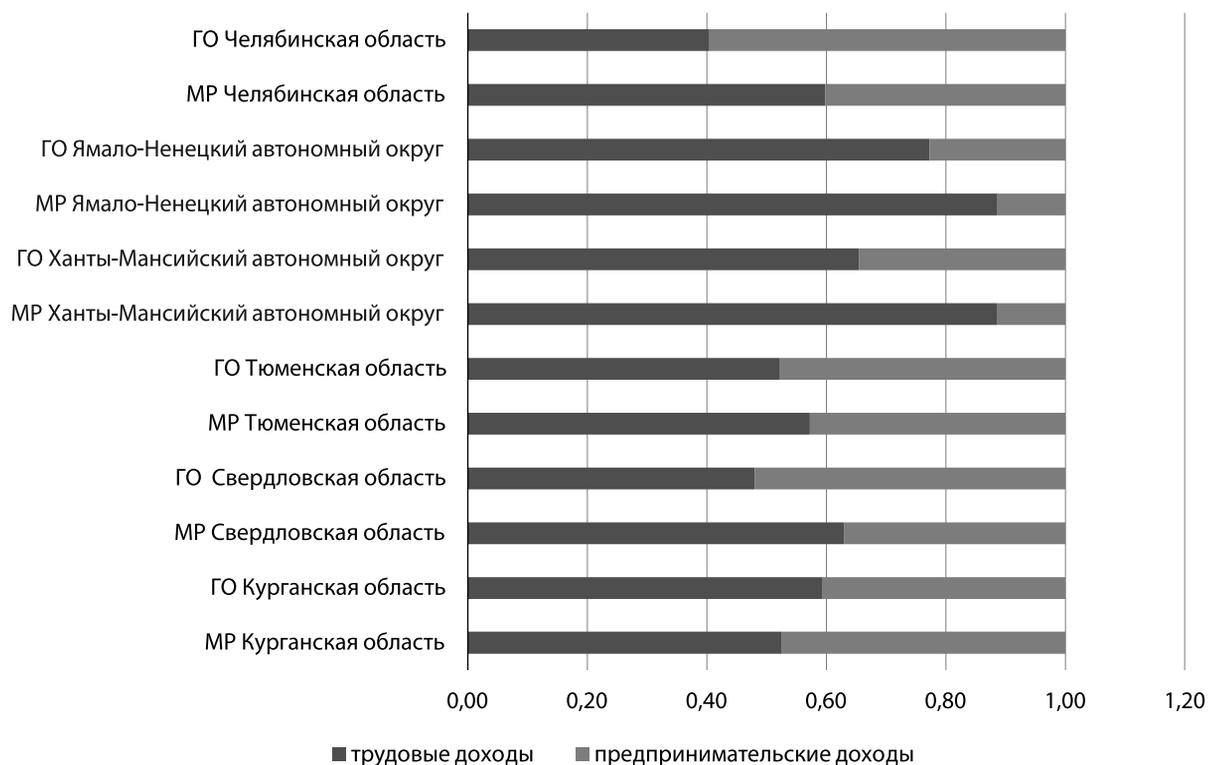

Рис. 2. Соотношение трудовых и предпринимательских доходов домашних хозяйств (кроме социальных выплат) в муниципальных районах (МР) и городских округах (ГО) регионов УрФО в 2020 г., %
 Fig. 2. Ratio of labor and entrepreneurial income of households (excluding social payments) in municipal districts (MD) and urban districts (UD) of the UFD regions in 2020, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

также схожа доля трудовых доходов у сельских и городских поселений, показатели отличаются незначительно внутри регионов. В Курганской области доля трудовых доходов в городских населенных пунктах чуть выше, чем сельских, в Тюменской — наоборот. Разброс между значениями данного показателя внутри сельских и городских территорий в Курганской области намного выше, чем в Тюменской. Это можно объяснить спецификой административно-территориального деления регионов.

Наименьшую долю предпринимательские доходы в поступлениях домашних хозяйств занимают в ХМАО (Югра) и ЯНАО (Ямал). В целом по домашним хозяйствам Югры доля трудовых доходов составляет 73 %. Однако в сельских территориях ХМАО данный показатель равен 89 %, что на 24 пункта выше, чем в городских. В ряде сельских населенных пунктов практически не наблюдается доходов от предпринимательской деятельности: например, в Нижневартовском районе трудовые доходы составляют 96 %. В городских поселениях Югры доля трудовых доходов различается от 55 % (город

Сургут, самое крупное и развитое поселение округа) до 83 % (город Покачи, небольшое поселение, отдаленное от основной зоны расселения).

И, наконец, наиболее зависимым от трудовых доходов регионом УрФО можно считать ЯНАО. В среднем по муниципальным образованиям ЯНАО доходы домашних хозяйств, полученных в виде заработной платы от крупных и средних предприятий, оценены в 83 %. В сельской местности данный вклад еще выше: 89 %, с колебаниями от 85 % (Пуровский муниципальный район) до 91 % (Ямальский муниципальный район). В городах влияние предпринимательских доходов более значимо, в среднем 23 % от всех поступлений. Наименьшая значимость трудовых доходов наблюдается в городе Лабытнанги (62 %). В Новом Уренгое такая доля составила 83 %.

В целом на основе исследования рассматриваемых регионов УрФО становится очевидным, что южные части округа показывают примерный паритет трудовых и предпринимательских доходов домашних хозяйств. Среди населения ХМАО, расположенного

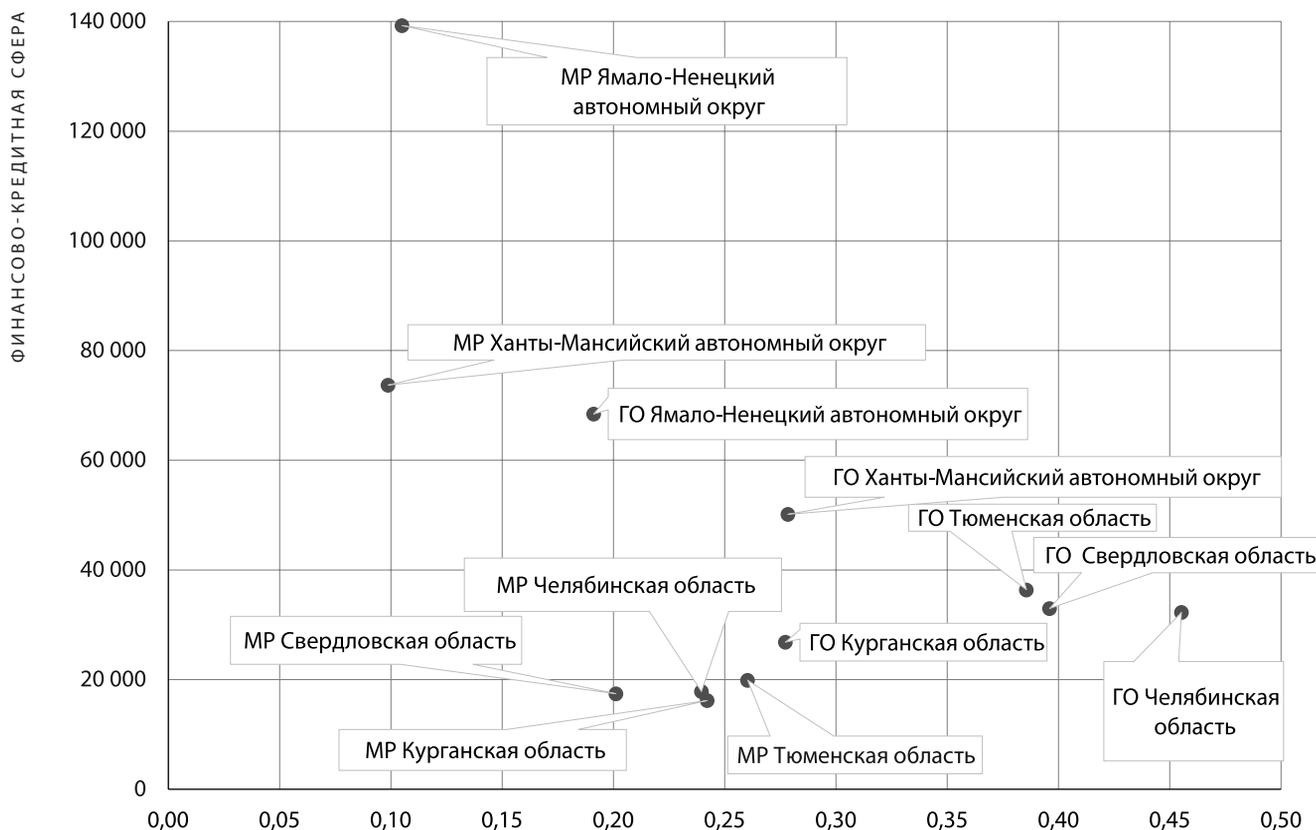

Рис. 3. Соотношение доли предпринимательских и среднедушевых доходов домашних хозяйств в муниципальных районах (MP) и городских округах (ГО) регионов УрФО в 2020 г., % и руб.

Fig. 3. Ratio of the share of entrepreneurial and average per capita household income in municipal districts (MD) and urban districts (UD) of the UFD regions in 2020, % and RUB

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

намного севернее, три четверти доходов приходится на трудовую деятельность. Домашние хозяйства Ямала, расположенного в тундровой зоне, в значительной степени зависят от выплат работодателей крупного и среднего размера. Структура доходов городских и сельских территорий по регионам не слишком отличается, в большей мере определена спецификой административного деления муниципальных образований.

Следующий этап исследования факторов структуры доходов населения в контексте влияния на социально-экономическое развитие муниципальных образований — взаимосвязь структуры доходов сельских и городских поселений с уровнем доходов (среднедушевыми доходами на душу населения). Поскольку на одном графике отразить все три рассматриваемых компонента доходов (трудовые и предпринимательские доходы, социальные платежи) в привязке к среднедушевым доходам затруднительно, нами исследована взаимосвязь доли предпринимательских доходов в общей структу-

ре и уровень доходов населения, как показано на рисунке 3. В частности, наблюдается существенный разброс в соотношении показателей, поэтому подробнее рассмотрим каждый из регионов.

Курганская область. В области наблюдаются самые низкие значения среднедушевого дохода среди регионов УрФО. Это относится как к сельским поселениям, так и к городским. Как видно на рисунке 3, практически все муниципальные образования Курганской области расположены в нижней части диапазона и в середине по доле предпринимательских доходов (0,24 и 0,28 %). Низкие значения среднедушевых доходов сельских поселений Курганской области, исходя из представленной диаграммы, могут объясняться невысокой долей предпринимательских доходов в структуре общих доходов домашних хозяйств. При этом в городских поселениях средний доход выше, как и доля получаемых предпринимательских доходов.

Свердловская область. Высокий среднедушевой доход в муниципальных образова-

ниях наблюдается лишь в Екатеринбурге и Верхней Пышме: 49 399 и 50 006 руб. соответственно. Эти же города можно признать лидерами по доле предпринимательских доходов в общих доходах (58 и 64 %). Сельские поселения Свердловской области имеют среднедушевой доход на уровне таких же территорий Курганской области, однако доля предпринимательских доходов у них еще ниже. Городские округа области обеспечивают более высокий уровень жизни населения за счет уровня предпринимательских доходов (около 40 %). Для городов с относительно высокими среднедушевыми доходами около 30 000 руб. (Верхнесалдинского ГО, городов Заречного и Пельма, Рефтинского ГО), характерна ситуация, при которой доля трудовых доходов превалирует в остальных источниках. На других территориях Свердловской области наблюдается смешанная динамика, представлены муниципальные образования с низкими доходами и высокой долей трудовых поступлений, и наоборот.

Тюменская область. Расположение сельских и городских территорий Тюменской области на рисунке 3 примерно соответствует другим рассмотренным группам муниципальных образований регионов. Как и в Свердловской области, большое влияние на формирование средних значений по данному региону оказывает административный центр — город Тюмень. Поэтому сельские территории Тюменской области, несмотря на высокую предпринимательскую активность, находятся примерно на одном уровне по среднедушевым доходам с другими регионами (несколько опережая их). Вместе с тем такая благоприятная картина сложилась в основном благодаря Уватскому муниципальному району, который среди всех муниципальных образований выступает лидером по среднедушевым доходам, опережая даже Тюмень. Высока и зависимость доходов городских поселений Тюменской области (исключая Тюмень) от поступлений по найму, что в большей мере характерно для сельских поселений. И, благодаря областному центру, показатели среднедушевого дохода являются высокими, несмотря на отставание по доле предпринимательского сектора по сравнению с городскими округами соседних областей.

Ханты-Мансийский автономный округ. Если для регионов южной части УрФО характерно превышение среднедушевых доходов городских поселений над сельскими,

то в Югре наблюдается обратная ситуация. Как показано на рисунке 3, городские агломерации региона расположены в области, характеризующей как среднедушевой доход выше среднего по УрФО, так и низкую зависимость от предпринимательских доходов. Единственное исключение — город Сургут, у которого предпринимательские доходы выше (но меньше, чем в крупных городах других регионов), и средний доход на человека является самым высоким среди городов. Ареал сельских территорий Югры располагается выше и правее на рисунке 3, что означает более высокие показатели доходов на человека при более низкой доле поступлений от предпринимательской деятельности.

Ямало-Ненецкий автономный округ. Соотношение предпринимательских доходов и общего уровня доходов сельских и городских поселений Ямала очень похоже на распределение Югры. Разница состоит лишь в том, что разрывы в показателях среднедушевых доходов более значительны. Особенно это заметно в сельских поселениях, в которых разница в доходах достигает более пяти раз, при примерно одинаковом соотношении трудовых/предпринимательских/социальных доходов. В городских поселениях Ямала такие разрывы меньше, доля предпринимательских доходов выше, однако их доля в совокупном доходе значительно ниже, чем в целом на урбанизированных территориях УрФО.

Челябинская область. Наблюдается классическая для южных регионов УрФО ситуация: в городских агломерациях уровень доходов выше за счет превышения предпринимательских доходов над трудовыми, в сельских поселениях — низкий уровень жизни и увеличенная доля трудовых доходов. Исходя из данных, как и в Свердловской области, второй по величине город Челябинской области — Магнитогорск — имеет средний доход выше, чем в столице области. При этом доля предпринимательских доходов максимальна для муниципальных образований. Имеющие примерно такую же структуру доходов домохозяйств города Чебаркуль и Златоуст на душу населения демонстрируют низкие результаты.

Выводы

Проведенное исследование соотношения уровня и структуры доходов на уровне му-

ниципальных образований показало, что изучение и анализ источников и факторов образования доходов домашних хозяйств может определить пропорции регионального и территориального развития. Существующие статистические данные о доходах граждан информативны для выделения укрупненных источников доходов, что позволяет сделать выводы о тенденциях и состоянии уровня жизни домашних хозяйств. Вместе с тем полученные сведения и результаты позволили выявить некоторые взаимосвязи и тенденции в контексте исследуемого вопроса:

1. В целом по муниципальным образованиям УрФО наиболее значимым компонентом доходов служат поступления от наемного труда и социальных выплат. При этом, если сравнивать регионы по уровню среднедушевого дохода, то можно сделать вывод о прямой взаимосвязи уровня дохода от доли трудовых поступлений, а также о том, что корреляция с социальными выплатами носит обратный характер.

2. Факторы экономического развития северных регионов округа (ХМАО и ЯНАО), в которых расположены производства по добыче нефти и природного газа, не позволяют четко сформировать зависимость социально-экономического положения от доли трудовых доходов. Специфика автономных округов, расположенных в экстремальных природных условиях и на территориях, богатых природными ресурсами, не позволяет в достаточной степени развивать предпринимательскую деятельность.

3. Для выделения факторов социально-экономического развития разумнее использовать сравнение по южным регионам УрФО. В них большое влияние на исследуемые показатели оказывают крупные города (столицы регионов), поскольку значительная доля населения проживает именно в таких городских образованиях. Специфика социально-экономического развития РФ, при которой предпринимательский сектор (особенно в сфере торговли и малого бизнеса) концентрируется преимущественно в крупных городах, оказывает значительное влияние на доходы предпринимательского сектора в малых городах и сельских поселениях.

4. Несмотря на выделенные специфические факторы формирования доходов населения отдельных регионов и муниципальных образований, можно заключить, что наибольшая концентрация сельских территорий происходит в диапазоне от 20 до 25 % предпринимательского дохода, при этом среднедушевые доходы невысоки для России. Для городских поселений уровень предпринимательского дохода значительно выше, около 40–45 %, что обеспечивает более высокие среднедушевые доходы, сопоставимые со среднероссийским уровнем.

Таким образом, факторы финансового развития в контексте доходов населения очень разнообразны, зависят от множества условий. Однако, исходя из проведенного нами исследования, к основным можно отнести урбанизированность территории, наличие полезных ископаемых, систему расселения (крупные региональные центры).

Список источников

1. Kim Y., Park J., Ju A.-J. New approach to measuring income inequality // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. No. 4. Article e26482. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e26482
2. Harvey L. A., Mierau J. O., Rokey J. Inequality in an equal society // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2024. Vol. 86. No. 4. P. 871–904. DOI: 10.1111/obes.12611
3. Rahman A., Sirojuzilam S., Lubis I., Pratomo W. A. Income inequality between provinces in Indonesia // *Jurnal Ekonomi Malaysia*. 2023. Vol. 57. No. 3. P. 59–74. DOI: 10.17576/JEM-2023-5703-05
4. Ivanovski K., Awaworyi Churchill S., Inekwe J. Convergence in income inequality across Australian states and territories // *Social Indicators Research*. 2020. Vol. 148. No. 2. P. 127–142. DOI: 10.1007/s11205-019-02201-0
5. O'Reilly C. Barriers to entry, entrepreneurship and income inequality within the USA // *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 332–356. DOI: 10.1108/JEPP-06-2022-0069
6. Petrova B., Rinaldi M. Determinants of income composition inequality // *Comparative Politics*. 2024. Vol. 56. No. 4. P. 449–471. DOI: 10.5129/001041524X17045519842791
7. Lee J., Lee, K. Decoupling of functional and household income distribution by economic growth: New findings from analyzing the three-way growth-equity nexus // *Journal of International Development*. 2024. Vol. 36. No. 5. P. 2270–2299. DOI: 10.1002/jid.3903
8. Li Q., Dong L., Zhang L. Have pensions reduced the relative poverty? Empirical analysis from China CHARLS data // *Heliyon*. 2023. Vol. 9. No. 12. Article e22711. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e22711

9. Wang G., Hao Y., Ma J. Family income level, income structure, and dietary imbalance of elderly households in rural China // *Foods*. 2024. Vol. 13. No. 2. Article 190. DOI: 10.3390/foods13020190
10. Бондаренко Л. В. Методология оценки бедности в России в контексте село-городских сравнений // *АПК: Экономика, управление*. 2022. № 12. С. 74–83. DOI: 10.33305/2212-74
11. Гуляева Т. И., Такмакова Е. В. Дифференциация между доходами сельского и городского населения в России // *Экономика сельского хозяйства России*. 2021. № 4. С. 77–81. DOI: 10.32651/214-77
12. Милехин А. В., Максимова А. С. Измерение социально-экономического неравенства населения // *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 5–14. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-1-01
13. Арженковский С. В. Статистический анализ неравенства и бедности с учетом скрытых доходов российских домашних хозяйств // *Вопросы статистики*. 2024. Т. 31. № 2. С. 39–51. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-2-39-51
14. Ивахненко Т. Ю., Полбин А. В., Синельников-Мурылев С. Г. Экономическая сложность и неравенство доходов в регионах России // *Вопросы экономики*. 2024. № 5. С. 105–127. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-5-105-127
15. Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф. Региональная балансовая модель финансовых потоков на основе секторального подхода системы национальных счетов // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 318–330. DOI: 10.17059/2017-1-28

References

1. Kim Y., Park J., Ju A.-J. New approach to measuring income inequality. *Heliyon*. 2024; 10(4):e26482. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e26482
2. Harvey L.A., Mierau J.O., Rockey J. Inequality in an equal society. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2024;86(4):871-904. DOI: 10.1111/obes.12611
3. Rahman A., Sirojuzilam S., Lubis I., Pratomo W.A. Income inequality between provinces in Indonesia. *Jurnal Ekonomi Malaysia*. 2023;57(3):59-74. DOI: 10.17576/JEM-2023-5703-05
4. Ivanovski K., Awaworyi Churchill S., Inekwe J. Convergence in income inequality across Australian states and territories. *Social Indicators Research*. 2020;148(2):127-142. DOI: 10.1007/s11205-019-02201-0
5. O'Reilly C. Barriers to entry, entrepreneurship and income inequality within the USA. *Journal of Entrepreneurship and Public Policy*. 2022;11(4):332-356. DOI: 10.1108/JEPP-06-2022-0069
6. Petrova B., Ranaldi M. Determinants of income composition inequality. *Comparative Politics*. 2024;56(4):449-471. DOI: 10.5129/001041524X17045519842791
7. Lee J., Lee, K. Decoupling of functional and household income distribution by economic growth: New findings from analyzing the three-way growth-equity nexus. *Journal of International Development*. 2024;36(5):2270-2299. DOI: 10.1002/jid.3903
8. Li Q., Dong L., Zhang L. Have pensions reduced the relative poverty? Empirical analysis from China CHARLS data. *Heliyon*. 2023;9(12):e22711. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e22711
9. Wang G., Hao Y., Ma J. Family income level, income structure, and dietary imbalance of elderly households in rural China. *Foods*. 2024;13(2):190. DOI: 10.3390/foods13020190
10. Bondarenko L.V. Methodology for assessing poverty in Russia in the context of rural-urban comparisons. *АПК: Экономика, управление = Agro-Industrial Complex: Economics, Management*. 2022;(12):74-83. (In Russ.). DOI: 10.33305/2212-74
11. Gulyaeva T.I., Takmakova E.V. Differentiation between incomes of rural and urban population in Russia. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture in Russia*. 2021;(4):77-81. (In Russ.). DOI: 10.32651/214-77
12. Milekhin A.V., Maksimova A.S. The measurement of socio-economic differentiation of the population. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Scientific Review. Series 2: Human Sciences*. 2018;(1):5-14. (In Russ.). DOI: 10.26653/2076-4685-2018-1-01
13. Arzhenovskiy S.V. Statistical analysis of inequality and poverty with under-reporting incomes of Russian households. *Voprosy statistiki*. 2024;31(2):39-51. (In Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-2-39-51
14. Ivakhnenko T.Yu., Polbin A.V., Sinelnikov-Murylev S.G. Economic complexity and income inequality in Russian regions. *Voprosy ekonomiki*. 2024;(5):105-127. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-5-105-127
15. Zaharchuk E.A., Pasyнков A.F. Regional balance model of financial flows through sectoral approaches system of national accounts. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2017;13(1):318-330. (In Russ.). DOI: 10.17059/2017-1-28

Сведения об авторе**Алексей Федорович Пасынков**кандидат экономических наук, доцент,
заведующий сектором финансового
и стратегического развитияИнститут экономики Уральского отделения
Российской академии наук

620014, Екатеринбург, Московская ул., д. 29

Поступила в редакцию 08.07.2024

Прошла рецензирование 01.08.2024

Подписана в печать 26.08.2024

Information about the author**Alexey F. Pasyнков**PhD in Economics, Associate Professor,
Head of the Financial and Fundamental Development
SectorInstitute of Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

29 Moskovskaya st., Yekaterinburg 620014, Russia

Received 08.07.2024

Revised 01.08.2024

Accepted 26.08.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.